

ДАР ПРОСТОТЫ

Артист Тамбовского драматического театра им. А. В. Луначарского Иван Никитич Марин играет роли самые разнохарактерные — от отрицательного героя, врача Киселева в «Печати доверия» Н. Архангельского до агронома Березина из «Родника в степи» Д. Деятова, от смелого и честного русского офицера Кондратенко («Порт-Артур» И. Попова и А. Степанова) до вкрадчивого чинуши Перяркова из «Пучины» А. Н. Островского. Великолепное разнообразие характеров! Однако, чтобы определить отличительные особенности этого артиста, следует говорить даже не о разнохарактерности исполняемых им ролей, то есть не о диапазоне его дарования, а о том, как он подходит к решению ролей, — о его индивидуальной творческой манере.

Когда смотришь Марина последовательно в нескольких ролях, становится ясно: это художник с мягкой, но очень определенной индивидуальностью, причем индивидуальностью своеобразной и обаятельной. Он обладает редким умением привлечь к себе внимание в каждую минуту пребывания на сцене. И дело, видимо, даже не в том, что для каждого

образа он находит всегда неповторимые краски. В Марине привлекают особая, ему одному присущая мягкость, лиричность, сочетающиеся с остротой мысли, освещающей все роли изнутри, каким-то дополнительным светом, отчего они приобретают глубину и перспективу.

Там, где писатель дал исполнителю глубокий материал для создания образа, там артист смело и уверенно идет за драматургом в поисках жизненной достоверности образа, в стремлении к предельной правдивости поведения на сцене. Так, в «Пучине» рождается отвратительный, страшный образ Перяркова, — именно потому страшный и отвратительный, что он психологически достоверен. Это не отвлеченная, придуманная фигура. Нет, Перяркова весь до ниточки живой, конкретный и простой — этакий цепкий, сухонький, вредный и злой паучок, танувший Кирилл Кисельников в пучину.

Иной подход к трактовке образа мы ощущаем у Марина, когда он становится с ролью недосказанной, не выпяченной со всей полнотой и яркостью. Возникает дополнительная работа, дополнительное исследование характера самим актером. В побочных столкновениях, в обрывках фраз, в каждом, даже случайно оброненном слове ищет исполнитель недостающие черты образа.

Интересно был задуман Архангельским образ врача Киселева — отрицательного героя его пьесы, но образ этот был лишен ясности характеристики. Порой поведение героя не было психологически оправдано, иногда врвалась логика поступков. Во многом помог писателю театр, где дорабатывалась пьеса. Однако великолепие сценического портрета Киселева, глубина и в то же время какая-то особая обаятельность психологии — все это в очень и очень значительной степени идет от актера, актера-мастера, подлинного художника сцены.

В прессе единодушно отмечалась выразительность, с какой Марин играет роль душевно опустошенного, нелюдимого врача — чертового карьериста, относящегося озлобленно к людям и к своей профессии. К концу пьесы актер, глубоко поняв драматурга, последовательно приводит Киселева к душевной трагедии, к сознанию бесплодно прожитой жизни.

А вот мы видим Марина в роли агроно-

ма Березина в новой пьесе Д. Деятова «Родник в степи». Эта роль драматургом едва намечена, она написана эскизно, как бы пунктиром. Но артист обогащает характер Березина, находя тонкие и привлекательные дополнительные штрихи и черточки. Перед нами усталый, суховатый, сильно потертый жизнью, к тому же неказистый внешне человек. Он выглядит старше своих сорока с чем-то лет и, видимо, уже через силу, как говорится, тянет ляжку... Недаром первые слова, с которыми он появляется на сцене — «Вы, Юлия Егоровна, спрашивали, и как я

столько езжу? Привычка», — он говорит тихо, устало, чуть небрежно. Но на лице его почти незаметно проскальзывает улыбка, словно он слегка иронизирует и над своей усталостью и над тяготами жизни...

Нет, как будто бы в этом человеке ничего внешне героического, кажется, нет даже той искорки, которая говорила бы о его ярком и интересном внутреннем мире. Березин у Марина на первый взгляд озорват: актер не боится не понравиться зрителям с этого первого взгляда.

Но вот он задержал на какое-то мгновение

руку жены, тихо и внимательно взглянул на нее, взглянул по-своему, как-то неожиданно и сбоку, и уже нельзя оторвать глаз от сцены. Что-то начинает открываться в характере бесконечно далекого и близкого. Сказаны надтреснутым, шипловатым голосом отрывочные слова, а в них звучат такие трепетные живые ощущения, такая правда чувства... Из немудреного диалога Березина с женой зритель начинает понимать, улавливать то искреннее внимание и понимание, которые привлекают немолодого агронома к его энергичной подруге: «Соскучился я по тебе, Варвара. Дней пять не видел». И через такие же тонкие, глубокие ощущения раскрывает Марин патристическую сущность образа героя, показывает, как любит он свою работу, как много сердечного горения и неуязвимой молодости вкладывает в нее: «Некогда о себе думать, время такое... Работы уйма, там не сделано, тут не так. А сердце болит».

Марин сумел передать, какая красивая душа живет в обыкновенном, на первый взгляд, человеке, как он мягок, сдержан, как в то же время тверд и нестигаем в своей активной заботе о людях, о деле. По-новому присматриваясь к нему, прислушиваясь к его голосу и понимая, почему Березин оказывается непререкаемым авторитетом и в кабинете секретаря райкома партии и среди своих товарищей.

Марин удивительно просто, естественно, органично живет на сцене в непрерывном внутреннем общении с партнерами. Он прежде всего участник ансамбля, соучастник общего действия. Никогда не выделяя себя и своего героя, артист играет, полностью отдаваясь раскрытию замысла драматурга... Вот это качество и делает Марина лучшим выразителем художественной программы Тамбовского театра, где творческий коллектив решительно борется со всякой напыщенностью, с ходулями, со штампом. Естественность, внутренняя свобода, простота и правда определяют творческие устремления тамбовцев.

Эти качества в полной мере определяют с виду скромное, неброское, но душевное и глубокое искусство Марина, проникнутое подлинной идейностью и правдивостью.

Х. ХЕРСОНСКИЙ.

И. Марин в роли агронома Березина («Родник в степи» Д. Деятова).

Фото М. Демеховского.